

УДК 904:725.73(571.13)(045)

*П.А. Корчагин, С.Ф. Татауров***К ПОНИМАНИЮ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУССКИХ РЕАЛИЙ: БАНЯ И/ИЛИ МЫЛЬНЯ**

Исследование бань становится распространённым сюжетом в исторической литературе, главным образом, при изучении археологизированных построек. Поводом для написания статьи послужили результаты раскопок в г. Таре, где в полностью раскопанной усадьбе (1669 г.) был обнаружен объект, месторасположение и конструктивные особенности которого, мешали традиционно атрибутировать его как баню. Чтобы определить назначения этого строения, проведено дополнительное исследование, в результате которого удалось выявить, что в Древней Руси и в России существовали два вида гигиенических построек, существенно отличавшихся друг от друга. Это — мыльни: пристроенные к жилым хоромам помещения, предназначенные исключительно для помывки (но не для принятия высокотемпературных процедур) и топившиеся исключительно по-белому. Они комфортабельны; зачастую мыленную печь украшали изразцами, стены обивались тканями, полы снабжались водоизоляционным покрытием. Банями же называлось исключительно то, что ныне считается банями по-чёрному. Они устанавливались на периферии усадеб либо за их пределами, чаще — на берегах рек. К первой трети XIX в. понятия *бани* и *мыльни* перестают чётко различаться и даже частично совпадают: под мыльней теперь подразумевается отдельное помывочное помещение в отличие от парилки, а расположенные отдельно постройки продолжают называться банями, даже, если они топят уже не по-чёрному. Но для исторической эпохи, изучаемой археологически, разделение на мыльни и бани было вполне актуально и потому должно учитываться при интерпретации материалов археологических исследований.

Ключевые слова: баня, мыльня, интерпретация археологических источников.

«Тогда диеты не знали, лекарей не приглашали, да и зачем лекаря были? Лечились травами, по преданиям старушечьим. Баня или мыльня считалась главной лечебницей».

П. А. Словоцков. Историческое обозрение Сибири. Кн. 2. СПб., 1844. С. 453.

Баня — неотъемлемая часть русской культуры. На её особую роль в экономической, социальной, бытовой и даже обрядовой сферах жизни неоднократно указывалось в научной, главным образом, исторической и этнографической литературе. В последние годы бани становятся распространённым сюжетом и в археологической литературе, главным образом, при атрибуции археологизированных построек. Пожалуй, наиболее подробно «баннный вопрос» дискутировался в монографиях, посвящённых раскопкам г. Мангазеи [5, с. 72; 10]. Однако до сих пор остаются вопросы, без ответа на которые наши представления о материальной культуре русского средневековья будут неполными. Данная работа, не представляя исчерпывающего очерка русской банной культуры, призвана разрешить некоторые проблемы, возникающие при интерпретации отдельных видов археологических материалов.

Непосредственным поводом для написания настоящей статьи послужили результаты раскопок на территории крепости в г. Таре, в которых была полностью исследована усадьба, сгоревшая в 1669 г. (определения лаборатории В. С. Мыглана). Одна из усадебных построек явно использовалась для удовлетворения гигиенических потребностей хозяев, обычно такие объекты безоговорочно определялись как *бани*. Однако, благодаря особенностям культурного слоя, которые способствовали хорошей сохранности дерева и других органических материалов, удалось не только зафиксировать все параметры этого сооружения и получить относящийся к нему инвентарь, но и определить особенности его функционирования. Интерес вызвали и конструктивные особенности объекта, и место расположения постройки, которые мешали поступить традиционно.

Срубная постройка, которую первоначально идентифицировали как баню, была исследована в 2012 г. в ходе раскопок усадьбы, располагавшейся на территории тарской крепости. Следует оговориться, что внутри кремля в XVII в. было всего четыре усадьбы — воеводы, стрелецкого десятника, пушкаря, воротника и избного сторожа [27. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5]. За 2010–2014 гг. усадьба была исследована полностью. Занимала она примерно 400 кв. м и состояла из дома-пятстенка, избы для челяди, бани (мыльни), погреба с надпогребницей и колодца с навесом (рис. 2–1). Часть двора была крытой, то есть имела общую крышу и была защищена от осадков. В этой же части усадьбы бревенчатая мос-

товая выходила за пределы усадьбы и продолжалась до Успенской церкви. Исследуемый в нашей статье комплекс располагался напротив сеней и входа в дом, по другую сторону мостовой — то есть это была ближайшая и наиболее доступная постройка среди всех зданий усадьбы. Несмотря на такую близость, бревенчатый переход и крышу над двором был устроен предбанник, в котором посетители переодевались и отдыхали.

1

3

2

4

5

Рис. 1. Баня в усадьбе Тарской крепости: 1— положение бани относительно мостовой в крытом дворе усадьбы; 2— нижние венцы сруба бани на столбах-опорах; 3— планиграфия бани и предбанника; 4— бревно от крепостной башни в качестве подкладки под нижний венец; 5— бревно с порогом и с пазами под косяки дверного проема

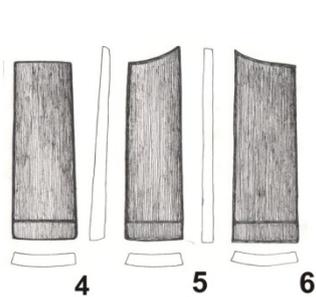
1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

0 10 cm

Рис. 2. Усадьба в Тарской крепости и банные принадлежности: 1 – Модель усадьбы Тарской крепости в масштабе 1:25; 2 – 3D модель внутреннего убранства бани; 3 – корчага для воды; 4-8 – клепки для ушатов и ведер из раскопок Тарской крепости; 9 – лапоток для банника из бани Тарской крепости; 10 – ковш из раскопок тарской крепости

Строение представляло собой сруб 2,2×2,5 м, рубленный в лапу с невыровненными выпусками (рис. 1–1). Ориентирована постройка как усадьба и крепость по краю коренного берега Иртыша — северо-запад — юго-восток. Основание сруба (нижний венец) был срублен из хороших брёвен (диаметром 0,4 м), положенных на вкопанные столбы-опоры (стулья) (рис. 1–2). Также из хорошего леса был рублен второй венец — в эти два венца были врублены две лаги, на которые был положен пол. Следующие венцы были выполнены из брёвен, ранее уже использованных (по имеющимся на них более ранним пазам), что в Таре было обычной практикой. Это подтверждают и брёвна, подложенные под нижний венец с западной и восточной сторон — это, судя по вырубленным косым пазам, брёвна из разобранной восьмиугольной крепостной башни (рис. 1–4). Именно такие брёвна зафиксированы при раскопках Княжьей башни. Лаги для пола были врублены на расстоянии 0,4 м от стен и, судя по их расположению, печь была поставлена непосредственно на плахи пола. Плахи шириной 0,4–0,5 м и толщиной 0,06 м были положены вдоль северной стены бани, то есть вдоль — к двери. Ямы под полом не было. Вдоль противоположной от входа стены был расположен *полок* — широкая лавка или помост шириной около 0,7 м из плах, таких же, какими был выстлан пол.

Глинобитная печь была сравнительно небольшой, размерами 1×1,2 м и высотой также около 1 м (рис. 2–2). Поставлена она была в северо-западном углу бани, рядом со входом, который из-за этого был смещен к юго-западному углу. Печь топилась по-чёрному, топка была расположена в противоположной от входа стенке, что при открытой двери обеспечивало тягу при растопке. Каменка, располагавшаяся ближе к двери, была открытого типа и наполнена собранными по берегам Иртыша крупными гальками, камнями, сидеритами и др. Судя по обломкам керамики, рядом с ней была вмазана в печку или просто стояла большая, диаметром в тулове около 0,6 м, толстостенная корчага (рис. 1–3). В отношении печки в ходе её расчистки возникло несколько вопросов. Во-первых, её сравнительно небольшие размеры и очень слабая прокаленность глины. Печь почти полностью расплзлась под воздействием воды и более поздних напластований, что не характерно для других печей этого культурного горизонта, исследованных в Таре. Вполне возможно, что данное сооружение использовалось как собственно для нагрева помещения только в зимнее время года или только для нагрева камней. Дело в том, что из-за постоянных пожаров в Таре действовало предписание в летний период готовить пищу за пределами крепости: «да попам, да пушкарям, да стрельцам у тех бы в городе дворцы были», в остроге... летом «ести варити» (воеводам делалось исключение, но с тем условием, что поварня будет в земле) [33, с. 8]. Поэтому, вероятнее всего, баню, даже для воеводы, топили умеренно или разогревали камни в другом месте. Хотя наличие веника говорит о достаточно высокой температуре.

Дверь была в юго-западном углу постройки, довольно больших размеров — дверной проём шириной 0,9 м, то есть примерно такой, как и в жилых избах. Проём был комбинированный: имел два вертикальных косяка, на которые была навешена дверь, а роль горизонтального косяка выполняло бревно второго венца, в которых были вырублены пазы для косяков и порожек-ограничитель для двери (рис. 1–5). Открывающаяся наружу дверь высотой около 1,2 м была набрана из тёсаных досок толщиной 0,04 м (вершок?).

Предбанник представлял собой сруб размером 1,8×2,0 м из брёвен диаметром около 0,25 м. Он был пристроен к западной стене бани и имел вход напротив двери в баню (рис. 1–3). Пол в предбаннике был выстлан тонкими тёсаными досками, скорее даже обрубками досок, уложенных на землю. Никаких дополнительных конструкций в этом строении не зафиксировано. Между срубами был проход около 0,7 м для носки воды и дров. В этом проходе, судя по сохранившимся бондарным клёпкам, стояла бочка — высотой 0,7 м и диаметром 0,6 м.

В ходе раскопок в историческом центре г. Тары собрана богатая коллекция деревянной посуды и ёмкостей для воды [1, с. 252–255]. Это позволяет выделить среди неё комплекс предметов, который использовался для обслуживания банных комплексов. В банях вода хранилась в бочках. Самые большие днища имели диаметр 0,7 м, самые длинные клёпки — 0,8 м. Связывались бочки ивовой оплёткой с деревянными замками [1, рис. 50]. Возможно, были бочки и больших размеров. Носили воду в вёдрах. Вёдра отличаются от шаяк наличием выступающих из общего ряда клёпок с отверстиями или с фигурами для привязывания верёвок-дужек (рис. 2–7–8). Размеры вёдер — около 0,4 м высотой и 0,4–0,5 м шириной. Часто при носке воды, чтобы она не расплёскивалась, использовали деревянные поплавки, которые в большом количестве найдены в культурном слое города. Клёпки от шаяк — самые многочисленные среди находок деревянных изделий (рис. 2–4–6). Исходя из их размеров и по находкам днищ от этих ёмкостей — самые распространённые изделия были высотой 0,25–0,3 м и в

ширину 0,4–0,5 м. Для черпания воды использовали ковши, которые вырезались из корневищ деревьев: берёзы и кедра. Самый большой ковш в археологических коллекциях из раскопок Тары был объёмом около 1,2 литра (рис. 2–10).

В ходе раскопок данного объекта был найден берёзовый веник с хорошо сохранившейся листвой — находка, послужившая решающим доводом в пользу определения функции этой постройки. Веник состоял из 19 прутьев и связан был тоже берёзовым прутком. Длина веника — около 0,5 м. В настоящее время такие веники — самые используемые в сибирских банях.

Пожалуй, одна из наиболее интересных находок при раскопках этого комплекса — лапоток из липового лыка (рис. 2–9). Он был сплетён по всем правилам изготовления такой обуви, но не был предназначен для носки, так как длиной был немного менее 0,1 м. Находился он в северо-восточном углу сруба. На момент раскопок в 2012 г. в г. Таре не было найдено плетёной обуви. Только на следующий сезон в этой же усадьбе, в избе для челяди, было найдено несколько лаптей. На наш взгляд, данный лапоток был *вотивным* и изготовлен специально для банника. Вера в домашних духов — домового, банника, конюшенного и других персонажей была весьма распространена среди горожан того времени. Причём банник относился к одним из самых злобных и опасных существ. Это не удивительно, так как при всей положительности бани был в ней один недостаток — это угарный газ, который скапливался при топке бани по-чёрному, поэтому нередко дело доходило даже до смертельного исхода. Поодиночке в баню ходить было не принято.

В ходе обработки материалов возник вопрос о правильной интерпретации данного комплекса. Стало очевидно, что это не баня в её классическом понимании. Для определения назначения этого объекта проведено наше исследование.

Учёные (и археологи, и архитекторы), зачастую термины *баня* и *мыльня* употребляют как синонимичные. В статье, посвящённой выделению бань в археологических материалах как особого типа постройки, А. С. Хорошев писал: «Подобное место в этнографической классификации единодушно (Е. Э. Бломквист, М. Г. Рабинович), а в археологической нередко (П. И. Засурцев) занимают бани (*мыльни*)... В этнографической литературе вычленены основные конструктивные особенности *бань-мылен*... *Бани-мыльни* издавна совершенствовались... К сожалению, в археологическом материале *бани-мыльни* практически не выявлены» [34, с. 54].

«В этнографической литературе охарактеризованы конструктивные особенности *бань-мылен*... *Бани-мыльни* издавна совершенствовались» [20, с. 309–313]. Архитекторы М. В. Савельев, М. В. Мякишева и Н. В. Шагов, комментируя архивные документы по городу Енисейску, также отождествляли бани и *мыльни*: «Во дворе находилась *мыльня* (воеводская баня), которая топилась по белому, а печь ее была с изразцовой отделкой...» [28, с. 93].

Между тем источники XVII в. различают эти понятия. Так, богомольцам-мужчинам при царском дворце была выстроена *баня*: «195(1687) г. генв. 26, верховым *богомольцам в баню* 1000 веников добрых... 201(1693) г. марта 7, велено купить верховым *богомольцам в баню* 1000 веников, 5 косяков мыла добраго, 20 лукошек золы козельской самой доброй...» [15, с. 713, 714]. В то же время для *богомолниц* была устроена *мыленка*: «201(1693) г. марта 21, велено купить *на строенье новой деревянной мыленки верховым богомолницам, что позади хором г. царевен меньших*...» [13, с. 714].

Вряд ли стоит предполагать гендерный критерий номинации помещений для помывки. Скорее важно анализировать их конструктивные и архитектурные особенности. А. А. Люцидарская, очевидно, первая уловила отличие: «Надо заметить, что бани заслуживали пристальное внимание со стороны властей, так как несли реальную угрозу городам, являясь наиболее пожароопасными местами. В жаркую пору пользоваться личными банями запрещалось. По этой же причине бани довольно редко строили непосредственно на дворовом месте, как это было в усадьбе томского пушкаря О. Борисова: "...а на том дворовом месте строена баня с предбанником". Гораздо чаще баня ставилась в огороде. *Исключения составляли богатые дома, где на манер "воеводских хором" баня примыкала к жилой застройке. В таких случаях употреблялся термин "мыльня"*. Если дворы горожан располагались вдоль реки, то бани могли выноситься к берегу за пределы усадьбы. Так, баня томского конного казака И. Аргунова находилась на берегу Томи "позади двора к берегу"» [18, с. 14]. Видимо, для целей исследования А. А. Люцидарской столь сжатого изложения мысли было вполне достаточно, но для археологических исследований оно нуждается в уточнении и развитии.

Как показывает анализ литературы, идентифицировать баню и мыльню в археологическом слое оказывается весьма сложно. Так, мангазейские *постройки б и 7* авторы первоначальных раскопок ин-

терпретировали как городскую торговую откупную баню с тремя отделениями [6, с. 72]. Эту атрибуцию авторы раскопок 2001–2004 гг. предпочли уточнить. По их мнению, *постройка 7*, вероятно, была частной баней, входившей в состав одного из подворий, и далеко не единственной на посаде. «Аналогичная баня (“мыльнишко”) известна из описания мангазейского воеводского двора 1639 года: “Мыльнишко гнило с сенишками. Стены и потолок и мост погнил и печь розвалилась”» [7, с. 53].

В качестве аналогии привлекается конкретная *мыльня*, но постройку всё равно предпочитают называть *баней*. И это притом, что в текстах обеих монографий неоднократно цитируются источники, в которых фигурируют почти исключительно *мыльни*. Например, при описании воеводских хором в Илимском остроге: «На дворе хоромного строения 2 горницы на подклетах, на одной горнице чердак. Промеж горницами тёплые сенцы, да у тех горниц передние и задние сени с крыльцами, а у задних сеней переход в передние сени. *От задних сеней переход в мыльню, мыльня стоит к косоугольной башне на ряжу*» [6, с. 23]. «В 1584 г. архангельский воевода продал свой двор на посаде: горница с подклетью, сени с подсеньем, повалуша с подклетью, у ворот изба с сенями, *мыльня с сенцами*, две клетки, ледник с напоребицею, мшанник, “а на нём клеть”, поварни — “естовая” и пивоваренная. В 1545 г. на холмогорском посаде был продан двор: горница на подызбице, клеть на две подклетки, сарай, хлев, *мыльня*, а в 1596 г. двор: горница на амбаре, клеть на подклетки, сени на подсенье, два сарая на столбах, хлев, *мыльня*» [6, с. 22]. Авторы упорно не обращают внимания на то, что гигиенические постройки, находящиеся в составе посадских усадеб, регулярно именуются не банями, но *мыльнями*.

Правда, их могло смутить приведённое на той же странице упоминание о бане в пределах красноярского воеводского двора, который «состоял из повалуши на подклетки, горницы на подклетки, сеней с подсеньем между ними и *отдельно стоящей* [! – П. К.] *бани*». На изображениях Красноярска С. У. Ремезова [36] и Витзена [37, с. 666] изображения бани, естественно, нет, но понятно, что часть красноярского кремля, в которой расположена воеводская усадьба, весьма просторна. Все казённые и общественные здания расположены на приличном расстоянии друг от друга, так что и для отдельных построек воеводской усадьбы не было тесно. В 1628 г. в ней были «повалуша на подклетки», «горница на подклетки», «промеж их сени с подсеньем» и баня. Отстраивался воеводский двор по-настоящему только в 1635–1636 гг., когда «плотникам от избного дела, что на воеводском дворе избу делали», заплачено было 8 руб.; тогда же доставлялись на воеводский двор брёвна, две дверины, восемь мехов моху, всего почти на 4 руб., и на 1 рубль досок «на сени и на баню», и плотнику Ивану Чёрному с товарищи «за дело, что делали на воеводском дворе сени да баню», дано было 71½ руб.; всего истрачено было на постройку приблизительно 24½ руб. По словам С. В. Бахрушина, «*Хоромы кольцом обступали* всевозможные службы: людская изба, ледник, баня с предбаньем, примыкавшая к сеням и служившая воеводам местом послеобеденного сна, “изба за хоромами под башнями” и т. п.» [3, с. 102]. Заметим, «обступали», но не были пристроены непосредственно к жилым хоромам. Очевидно, что *бани* и *мыльни* суть не одно и то же, поэтому стоит более детально разобраться с различием их функций, конструкций и особенностями размещения.

Сколько-нибудь подробные описания *мылен* в источниках свидетельствуют о том, что это были специализированные помещения, устроенные внутри или пристроенные вплотную к жилому дому, в шаговой доступности. Так, великий князь Василий Иванович в начале октября 1533 г., почувствовав первые признаки серьёзной болезни, «наутрия же, в понедельник, князь велики *великою нужею доиде до мылни; и за столом седе в постелных хоромех нужею*» [25, с. 267].

Вообще *мыльня* часто упоминается как часть царских хором. В конце XVII в. в царском селе Измайлове: «*Подле тех хором 3 мыленки* с исподи подрублены бревны дубовыми, обшиты тесом красным *в закрой* покрыты в два теса со скалою; в кровлях 3 окошка, над ними бочки обиты чешуею; *перед теми ж мыленками сторонние сени* обшиты с обе стороны тесом красным и покрыты в один тес... *Меж мыленками и перед мыленками в сенях* десетеры двери на жиковинах луженых, под жиковинами сукно красное, у них 9 чепей, 10 задвижек, 10 скоб луженых, 2 окончины слюденые клинчатые» [13, с. 511–512].

В Коломенском дворце: «*Из сеней налево в сени, что перед мыльнею*, дверь... В сенях перед мыльнею окошко, в нем окончина слюденая; в сенях *нужник*, дверь... лавки с опушки. Дверь в мыльню... В *мыльне полок*, к нему всход о семи степенях, лавки с опушки; три окошка волоковых, в них окончины слюденые ветхие; *печь обращающая зеленая*, около ея три связи железныя; подволока за-

брата дощатая. *Из мыльных же сеней дверь на переходы, к стряпущей избушке...*» [13, с. 511–512]. И далее: «*Из проходных же сеней, что против писанных сеней, которые с чуланом, всход к мыльне государеве*, на том всходе окончина слюденая... В *мыльне* полки, ... *печь ценинная*, столбы сосновые росписаны красками, обязана железом; в трубе *вьюшка железная*; подволока липовая вислая...» [13, с. 467].

Мыльни могли располагаться даже на втором этаже: «201(1693) г. июня 22, велено купить в *новую мыленку, что в верхних сенях против комнаты государынь царевен больших*, на обивку дверей и дву окошечных вставней 6 ар. с четью сукна...» [13, с. 714] и «июня 2, велено купить в новую *мыленку, что делают в сенях против комнат г. царевен больших, что над портомойными полаты*, к обшивке в сенях проводных жолобов, шесть войлоков коровьих двойных» [13, с. 715]. В этом случае приходилось устраивать водоизоляцию полов и канализацию: «193(1695) г. сентября 28, велено дать в государеву и царицы Натальи Кирилловны *в новые брусяные мыленки к спускам на дело свинцовых* досок 100 пуд свинцу да на пайку полчетверты пуда олова...» [13, с. 713].

Мыльни были весьма комфортабельными: «*Из тех же сеней дверь в мыльню...* обита была сукном красным, сукно выдрано; в *мыльне* три окошка столярных, в них три окончины слюденых (одна попорчена) с кругами; полки и лавки дощатые с опушками; *печь с лица ценинная* цветная, около ея три связи железные; подволока вислая липовая. *В сенях мыльных нужник*, дверь на пятах, скоба железная...» [13, с. 471].

Мыльни встречались и при дворянских домах. Так, в 1718 г. в подмосковном селе Ясенево, в вотчине Аврама Лопухина, «*При тех хоромах мыльня в саду с сенми*, в ней два окна красные, окончины слюденые ветхие. В сенях одно окно. Та мыльня крыта по скале дранью *и с сенми под одну крышку* на четыре спуска» [13, с. 568]. Двор нарымского воеводы Ивана Леонтьевича Скобельничина (1639–1643) состоял из «*хором... между повалуши да горницы, сени большие, да задние сени, да мыльня*, да погреб, да ледник с напогребницею, да изба большая поваренная, да конюшня с сараями» [28, с. 93].

Мыльни использовались до XVIII в. включительно. В 1743 г. императрица Елизавета Петровна распорядилась о реконструкции сооружений Летнего сада: «в третьем саду Золотые *хоромы и при них мыльня* были б во всякой исправности как при жизни Петра Великого были...» [19, с. 326]. И, наконец, известный российский просветитель, путешественник и литератор Фёдор Каржавин при переводе классического пособия по архитектуре для обозначения встроенного помещения для помывки использовал хотя и устаревающий, но точный термин: «Мыльня должна также быть по близости к поварне, дабы труба поваренная могла нагревать несколько и мыльню» [22, с. 59].

Итак, *мыльни* — это комфортабельные, пристроенные к жилым хоромам помещения, предназначенные исключительно для помывки, но не для принятия высокотемпературных процедур, и топившиеся исключительно по-белому.

Термин *баня* в русских источниках встречается очень рано. Хрестоматийное упоминание содержится в Лаврентьевской летописи при описании путешествия ап. Андрея Первозванного: «И иде въ Варяги, и приде в Римь, и исповеда, елико научи и елико виде, и рече имь: “Дивно видех Словенскую землю идучи ми семо. *Видехъ бани древены, и пережъгутъ е рамяно*, и совлокуться, и будутъ нази, и облеются квасомъ усниянымъ, и возьмут на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, одва вылезут ле живи, и облеются водою студеную, и тако оживуть”...» [24, с. 7–9]. Стоит подчеркнуть смысл сказанного апостолом: он *видел* деревянные бани, то есть непосредственно наблюдал отдельно стоящие деревянные постройки. Пристроены-мыльни (именно во множественном смысле) увидеть нельзя: перед глазами наблюдателя неизбежно оказывается нерасчленённая городская застройка усадебных хором.

В 1613 г. в Новгороде на городских усадьбах фиксировались бани, расположенные на огородных задах: «...хором на дворе: горница на подъзбицы, клеть на подклете; сенница; *на дворе: баня да мелничок с сенничком, в огороде яблонное дерево, печь с припередком*, ворота и тын, около двора и огорода городьба; да запас дворовой... А на дворе хором: горница на подклете, да сени, да повалуша, да подклет под повалушей, да другая горенка белая на мшанике, против (нея) сени, *да на дворе-ж байнишко ветчано*, да ворота и тын...» [13, с. 442]. Адам Олеарий, судя по тексту его «Описания...», описывал именно бани, виденные в Москве 1630-х гг.: «Так как *бани обыкновенно устраиваются у воды и у рек*, то они [*русские*, – П. К.] из горячей бани устремляются в холодную...» [21, с. 191].

Бани можно обнаружить на картографических документах второй половины XVII в. Так, на «Чертеже села Шустова Ивана Кузьмина с иными помещиками» [27. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 4. № 8] (до 1683 г.) баня изображена как отдельно стоящее здание на левом берегу пруда р. Каменки. На «Плане с. Павловское у деревни Алешково» [27. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 3. № 40] (третья четверть XVII в.) баня показана на северной окраине села, на берегу неподписанной реки; рядом пояснение: «от банишки до горотьбы 43 саж», — то есть в почти сотне метров от ближайшего забора, кстати, огораживавшего овины. К сожалению, бани на этих планах изображены чрезвычайно схематично, какие-либо выводы об особенностях их конструкции сделать невозможно¹.

Ганс-Мориц Айрманн, будучи в России в 1666–1670 гг., полюбил русскую баню и оставил подробное описание: «*По длинной реке “Моск”* всюду спускаются сплошные дворы, а *дома стоят на-перед; позади у каждого устроена баня* (кстати сказать, до чего охотно они моются: постоянно на третий или даже на второй день ходят они в баню, как простые, так и знатные люди...)» [14, с. 296]. Он очень хорошо уловил специфику именно бани: «Те, которые располагают в Москве достатком и имеют благоустроенный по своим обычаям дом, особенно стараются соорудить при нем *баню, как-вые, как и их дома, все деревянные. Они строятся 4-угольными*, окна располагаются вверху, а не по сторонам, хотя и делаются с хорошими стеклянными оконницами, а в середине небольшое отверстие, которое они могут открывать и закрывать по своему желанию — через него выпускается пар, когда они льют воду на раскаленные камни. *Они внутри не пользуются печами, а имеют либо искусно выложенные камни*, которые извне могут быть обогреваемы огнем, либо вносят на железном противне раскаленные камни, на них льют теплую воду, и это даёт хороший жар...» [14, с. 301].

В Томске начале XVIII в. на усадьбе сына боярского Манойла Гречанинова «Двор в заплоте крытой и мощёной, *в огороде баня с предбанником*, огород в заплоте...» [18, с. 15]. Двор иркутского посадского А. Юдина был «...огорожен заплотом, на дворе хоромного строения изба черная, одни двери на крюках... горница белая на подклете... *На дворе* погреб с напогребницею в перерубе с амбаром под одной кровлею, *баня с предсеньем, двор скотский*» [18, с. 15]. У М. Игнатьевых из Илимска двор был огорожен «заплотом на столбах, на дворе хоромного строения изба черная... У него ж на задворье горница белая с предсеньем на подклете... *Во дворе строения и конюшня да скотный двор, баня с предбаньем...*» [18, с. 15].

В. Н. Белицер в работе «Очерки по этнографии народа коми...» пишет о том, что почти каждая крестьянская семья имела собственную баню. На усадьбе баню ставили в самом дальнем углу. Чаше бани располагали, как и амбары, группами на конце деревни, обычно близ ручья, на склоне речного холма. Иногда баню строили совместно две-три семьи [4, с. 197]. Получается, что бани устраивались либо за пределами, либо на периферии усадеб («позади», если была возможность — на берегу реки), на просторных дворах («в самом дальнем углу»), в огородах, что было связано с их высокой пожарной опасностью.

Судя по всему, уже в XVIII в. разница между банями и мыльнями стала исчезать. В 1720 г. при передаче усадьбы думного дьяка Автонома Иванова в казну выяснилось, что на усадьбе: «*При тех же хоромах баня с предбанником белая*, мерою полпята сажени, поперег трех сажени с локтем, срублена в угол; пол и потолок дощатые, в ней вышины от полу до потолку 4 арш.; 2 окошка красных, окончины стеклянные, двои двери на крючех; пол на трех ступенях, печь кирпичная. Перед банником сени с дву сторон в брусках забрана косеками; *из сеней к хоромам переходы с одной стороны забрано гудками, а на тех хоромах и на бане кровли* шатровыя на четыре ската крыты тесом с скалою...» [13, с. 571]. Если верить описанию, перед нами традиционная мыльня, соединённая с жилыми хоромами переходом, но называется она уже белой баней с предбанником.

В «Деле по предложению верхотурского комисара Салманова о смене его от должности по сдаче вновь поступившему комисару Давыдову по росписному списку казенного имущества» (1777) воеводская баня описывается подробно: «При вышеописанных комиссарских полатах *поблизости каменной стены баня* построена в 773 году из старых провиантских анбаров, при которой бане горенка небольшая, у той бани и сеней и у горенки трои двери на крюках и петлях и со всеми при них приборами железными, прежними и вновь зделанными; два окошка в них окончины слюдены, по вет-

¹ Перечисленные документы оказались доступны авторам благодаря ГИС-проекту на сайте РГАДА. Подр. см.: Фролов А. А., Голубинский А. А., Кутаков С. С. Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» (<http://rgada.info/geos2>) // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 75–84.

хости прежних вновь сделанные шиты мелкой слюда; **в той же бане печь кирпичная** чело в баню, **при которой заслонка и у трубы задвижка** железные прежние, на делание той печи кирпичу употреблено из оставшего от разбору бывшей таможи семь сот, а прежней кирпич по ветхости раззорился на мелкие части, сверху покрыта тесом по ветхости прежнего, оставшим от разбору бывшей таможи, коего употреблено сто пятьдесят тесниц» [27. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 295. Л. 9]. Нужно добавить, что баня верхотурских воевод располагалась во внутреннем углу каменного кремля, что было относительно безопасно в противопожарном смысле. В то же время она имела печь с трубой как мыльня.

В Верхотурье бани имели не только представители администрации. Директор пермской гимназии Н. С. Попов в конце XVIII в. писал: «Почти все сии дома имеют двои ворота, и потому по два двора по обе стороны, из коих в так называемом переднем находятся сушила или завозни и погребца, а в заднем содержится скот, для чего построены в нем разные клева, а **за домами на огородах бани**. Печи в горницах Голландские, в избах с очагами или пространными шестками, **бани также у всех белые**» [26, с. 327]. Эти сведения подтверждаются изобразительными источниками. Весьма характерное расположение бани на периферии усадьбы и, одновременно, на берегу небольшой речки удалось точно зафиксировать, соотнеся изображения с «Планом городу Верхотурью...» конца 1770-х гг. и литографии с видом Верхотурья 1828 г. из альбома К. К. Клауса. Баня отделена от основной части усадьбы огородом, площадь которого покрыта на плане зелёной краской [17, с. 248–249].

В Перми в «1811 году он [городской голова Д. Е. Смышляев, — П. К.] перешёл в собственный деревянный дом. Из плана на исправление крыши этого дома, выданного в том же 1811 году, видно, что он куплен готовым, находился на Петропавловской улице в соседстве, с правой стороны, с домом тётки моей вдовы Любимовой, а с левой, с местом надворного советника Дмитрия Дягилева, где **существовали только изба, кухня и баня**» [31, с. 155–156].

Хотя и в этнографическую эпоху сохранилось обыкновение устраивать бани в отдалении от жилых построек, но И. В. Ильина и Ю. П. Шабает в статье «Баня в традиционном быту коми» приводят свидетельство С. В. Игнатова из с. Помоздино Республики Коми: «Раньше недалеко от моего дома, **ближе к речке, стояло в ряд бань двадцать**, да чуть повыше ещё было бань десять. Там, где пользовались колодцами, бани были ближе к подворью. Белые бани были безопасны, поэтому их стали строить на своём дворе» [15, с. 112].

С XIX в. баней стали называть — безразлично — и отдельное строение, и помещение для мытья. По свидетельству В. И. Даля: «**Баня ж. байня, байна** сев. паровая, русская баня, **строение или покой**, где моются и парятся, не просто в сухом тепле, а в пару, почему важнейшие части **бани**: каменная печь с булыжником (*каменка*) или с ядрами и чугунным боем (*чугунка*), или *с колодою*, в виде опрокинутого котла с завороченными окраинами; затем *полок* с приступками и подголовьем, на котором парятся; лавки вокруг стен, на коих моются; чаны с горячею и холодною водою или краны для этого в стене; *шайки* для мытья и оката, *вехотки* (мочало) для мылки, *веники* (дубовые или берёзовые) для парки. При порядочной бане есть передбанник, где раздеваются, отдыхают, запивают баню квасом и пр.» [10, с. 114]. А мыльней предпочитали называть помещение внутри бани, отличное от парилки: «**Мыльня, мыльня** ж. стар. *запд. юж.* мовня, лазня, баня; || сев. особая комната в бане, где не парятся, а только моются. *Как барыня перед мыльнею* (хлопочет)» [11, с. 954].

Вернёмся, однако, в Мангазею и обратим внимание на одно важное замечание Г. П. Визгалова и С. Г. Пархимовича: «Во всех избах и в бане встречены однотипные печи-каменки размерами в плане 0,84–1,10×0,63–1,00 м» [7, с. 57]. То есть в бане отопительное устройство было той же конструкции, что и в жилых помещениях. Правда, авторы употребили неопределённый термин «печи-каменки»; хотя он и распространён в современном словоупотреблении, но всё же печь и каменка — отнюдь не одно и то же. По В. И. Далю, «**Печь, печка** ж., **пещь** црк. ...снаряд для топки, для разводки в ней огня. Русская печь, кирпичная или битая, для тепла и варки пищи, печенья хлеба...» [10, с. 282], — а «**Каменка** арх. вообще печь; скб. печь временная, из дикаря, не кирпичная; банная печь, ворох дикого камня, булыжника на печи, на который поддают пар...» [11, с. 199]. Но, видимо, подразумевается, что в постройке, которую авторы называют баней, была не каменка, а именно печь.

Устройство печи в мыльнях и банях по-белому, в том числе и в торговых, известно из рисунков XVIII–XIX вв. На миниатюре из «Сборника повестей» (XVIII в.) [9. № 406. Л. 82] изображена бревенчатая постройка под дощатой крышей. Внутри бани показана кирпичная печь с топкой внизу и сводчатым окошком каменки вверху. Позднее это окошко стало закрываться особой паровой дверцей, как изображено на рис. М. И. Козловского (1753–1802) [29. КП–4771–24 Г–323].

Размер печи в частной мыльне можно в самом общем смысле представить по описи материалов, необходимых для печного строительства: «202(1694) г. октября 3, велено купить в мыленку государыни царицы Марфы Матвеевны на дело каменницы вновь 100 кирпичу зженого меншой руки, 3 воза камня спорников, 2 воза камению мелкого» [15, с. 715]. Бывали печи и поменьше: «201(1693) г. апреля 12, велено купить в. г. ц. и в. к. Петру Алексеевичу в мыленку, что под каменные своды, и дело печи 50 кирпичей зженных мелких, воз глины, два воза камня спорников больших, три воза камня мелкого конопляного...» [13, с. 7].

Зачастую мыленную печь украшали изразцами: «В мыленке печь ценинная цветная, в четырех местах связана железом; полки и лавки с опушки; три окошка, в них окончины слюденые ветхие; подволока липова» [13, с. 472]. Изразцовые банные печи могли быть не только у представителей царской династии. Так, у ейского воеводы «во дворе находилась мыльня (воеводская баня), которая топилась по-белому, а печь ее была с изразцовой отделкой...» [28, с. 93].

Каменки кардинально отличаются от банных печей. «В одном из углов бани находилась каменка, чаще всего её затоп был обращён к двери или к маленькому окну, прорубленному в боковой стене с выдвигной дощечкой вместо рамы. **Каменка (“гор”) представляла собой гряду камней с горном внизу. Иногда камни поддерживала железная ось.** Для подогревания воды в каменке укрепляли большой чугун или деревянную колоду. Рядом с каменкой вдоль стены и над каменкой были укреплены шесты для белья, а под самым потолком в стене прорубалось маленькое отверстие для выхода дыма. У противоположной стены стояла небольшая скамья и на ней железный таз или деревянное корыто для мытья. В углу — кадушка с холодной водой и деревянный ковш. Коми-зырянская баня имела в одних случаях план старого жилища-землянки (печь обращена устьем к входной двери), в других случаях её внутренний план (печь обращена к боковому окну) был аналогичен плану русских бань и старого западнорусского жилища. Второй план расположения печи-каменки в бане, вероятно, не случаен. Он известен у коми-зырян главным образом в северных районах и, возможно, связан с проникновением сюда новгородской культуры, в частности, новгородского жилища, где этот план был распространен в прошлом (XV–VIII вв.)» [4, с. 197].

Баня с каменкой была не только медико-гигиенической постройкой, но и обладала весьма глубоким символизмом. И по большей части баня ассоциировалась с крещением. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» имеется подборка текстов, подтверждающих подобное восприятие: «4. **Крещение, христианский обряд.** Людие божи, языкъ святъ, богатное сriskание, ликъ православныхъ, сынове бани, чада благодати. Кн. Степ., 29. XVI–XVII вв. ~ 1560 г. Зри умно, отъ кого прияхомъ святую баню, или святыи глаголь, по апостолу. (Челоб. арх. Ант) Суб. Мат. VIII, 125 до 1666 г. Баня бессмертия (благодати, бытия, паки бытия, паки рождения) — крещение. Мамельфа же моляше, абие **приятти баню безсмертия**, рекше крещения. ВМЧ, Окт. 4–18, 809. XVI в. Днсь пррчская рука верха огнём палящаго прикасая **да баню нетления** нас облечет. Требник, 326. XVI в. О христоименити людие, сынове света, чада церковнии, порожденни **баню бытия!** Плач о пленении, 219. XVIII в. ~ XVII в.» [30, с. 71]. То же можно сказать и об источниках XVIII в.: «Его же Симеоном нарекоша, и по обычаю христианску, **Баню Крещения омыша**» [11, с. 4].

А. Н. Афанасьев писал: «На лубочной картине, изображающей “смерть грешника”, сатана говорит осужденному: “любил ты на белом свете мыться и нежиться на мягком ложе; поведи теперь его **в мою баню огненную** и положи на ложе огненное”. Черти ведут его в баню, парят горящими вениками и кладут на раскаленное ложе; в заключение разных истязаний они ввергают грешника в огненный колодезь» [2, с. 30–31]. Не будет большой натяжкой считать, что метафора бани как преисподней была навеяна знакомством с баней по-чёрному. Причём, такое представление было принято не только в народных кругах. Так, Л. П. Карсавин писал: «Григорий Нисский (также и Григорий Богослов) думает, что ад не вечен. **Ад — огненная баня крещения** (ср. Мф., III, 11 сл.) как для тех, кто умирает во грехе, так и для тех, кто, не вкусив смерти, “изменится” в последний день и должен будет искупать свои грехи определенным периодом мук» [16, с. 137].

Вряд ли святой отец и учитель церкви был знаком с русской баней по-чёрному, но русские книжники именно так понимали его текст. Баня огненная не может быть мыльней, в ней не разводился открытый огонь, в которой не парились даже обычными, не то, что горящими вениками. Баня с пылающей каменкой была не обычной хозяйственной постройкой, она стояла на границе земного и потустороннего мира, с ней нужно было быть особенно осторожным потому, что существовала не только опасность обычного огня, но и пламени из иного мира. Так, удмурты не позволяли заносить в дом огонь из бани, поскольку считалось, что будет пожар и дом сгорит [8, с. 142].

И если установлено, что в средневековой России существовало чёткое различие бань и мылен, то известный «Наказ о Градском благочинии» от 30 апреля 1649 г. читается уже совсем по-другому: «...приказать всяких чинов людям накрепко, чтоб ныне весною, и *во все лето, и в осень в ведерные жаркие дни, изб и мылень не топили*, и в вечер поздно с огнём не сидели, и *учинить у изб и у мылень печатъ, чтобы единолично избы и мылени никто не топил*. А где варят и хлеб пекут, велел всем людям печи подделатъ, и в поварнях и в других местах, а в избах единолично хлеб печь и есть варить не велел; а у которых людей поварень нет, и тем людям *велел печи сделать на огородах*, или в земле на полых местах, не близко хором, и от ветра те печи велел ущитить накрепко. А которые люди учнут ослушаться, и учнут самовольством *избы и мыльни топить* или в вечер поздно с огнём сидеть: и им тех описать имена, принести к боярам» [23, с. 165].

Наказом не запрещается вообще разведение огня, приготовление пищи и отправление гигиенических процедур. Запрет распространяется лишь на топку печей в хоромах и пристроях к ним. Приготовление пищи в отдельно стоящих поварнях или в летних печах, топка бань, устраиваемых на огородах и по берегам рек не преследовались, поскольку в случае возгораний обособленных построек пожар было легко локализовать. Наказ, таким образом, прямо указывает, что помещения для мытья, пристроенные к хоромам, считались мыльнями, поэтому и исследователи, строго следуя за буквой и смыслом источника, должны интерпретировать подобные постройки именно таким образом.

Итак, помещения с гигиеническими функциями, пристраиваемые к хоромным, жилым постройкам, снабжённые белыми печами, изначально считались мыльнями и только с XVIII в. стали рассматриваться как бани по-белому. К первой трети XIX в. понятия *бани* и *мыльни* перестают чётко различаться и частично даже совмещаются: под мыльной теперь подразумевается помывочная в отличие от парилки, а расположенные на огородах или даже берегах рек постройки продолжают называться банями, даже если они топятя уже не по-чёрному. Но для исторической эпохи, изучаемой археологически, разделение на мыльни и бани было вполне актуально, поэтому оно должно учитываться при интерпретации материалов археологических исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.
2. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 3. М.: Тип. Грачёва и Комп., 1869. 851 с.
3. *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 4. М.: Изд-во Акад. наук СССР. 1959. С. 5–192.
4. *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми XIX — начало XX в. М.: [б. и.], 1958. 391 с.
5. *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеоздат, 1980. 164 с.
6. *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея: материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1981. 148 с.
7. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.
8. *Владыкина Т. Г.* Удмуртские поверья в системе этносоциальной регламентации // Традиционное поведение и общение удмуртов: сб. ст. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. С. 126–170.
9. Государственный исторический музей (ГИМ).
10. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. Т. 1. СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольфа, 1903. 853 с.
11. *Даль В. И.* Толковый словарь живого Великорусского языка. 3-е изд. Т. 2. СПб.: Товарищество М. О. Вольфа, 1905. 1017 с.
12. *Димитрий Ростовский (Туптало).* Книга житий святых... на три месяцы первые, еже есть: септември, октоври, и новември... Типом второе издадеся. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1711. 1030 с.
13. *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Том 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. Изд. 3-е с дополнениями. 1895. 782 с.
14. Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг. // Исторические записки. Т. 17. 1945. С. 265–357.
15. *Ильина И. В., Шабаев Ю. П.* Баня в традиционном быту коми // Вопросы этнографии народа коми / Труды ИЯЛИ КНЦ УрО АН СССР. Сыктывкар, Вып. 32. 1985. С. 109–122.

16. *Карсавин Л. П.* Святые отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях) / предисл. и коммент. С. В. Мосоловой. М.: Изд-во МГУ, 1994. 176 с.
17. *Корчагин П. А.* История Верхотурья (1598–1926): закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2012. 287 с.
18. *Курилов В. Н., Люцидарская А. А., Майничева А. Ю.* Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII — начале XX в.: историко-этнографические очерки. Новосибирск: ПреПресс-Студио, 2005. 100 с.
19. *Малиновский К. В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб: Крига, 2008. 576 с.
20. *Мишин С. А., Никитин А. Ю.* Челябинские бани XVIII–XIX вв. (по материалам археологических исследований) // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014. С. 309–313.
21. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
22. *Перро К.* Сокращённый Витрувий, или Совершенный архитектор. Перев. Фёдора Каржавина. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789. 230 с.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1029 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 1. М.: ЯРК. 1997. 496 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб: Типография Эдуарда Праца, 1853. 358 с.
26. *Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санктпетербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми. Ч. 2. Пермь, 1804. 400 с.
27. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
28. *Савельев М. В., Мякишева М. В., Шагов Н. В.* Формирование городской усадьбы исторических городов Среднего Приобья (Томск, Нарым, Колывань) // Вестн. ТГАСУ. № 1, 2011. С. 91–99.
29. Сахалинский областной краеведческий музей (СОКМ).
30. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–Б). М., 1975. 372 с.
31. *Смышляев Д. Д.* Из прошлого. О старых временах и людях // Сб. ст. о Пермской губернии Д. Смышляева. Пермь: Типолитография губернского правления, 1891. С. 128–131.
32. *Тихонов С. С.* Бухарская слобода Тарской крепости: исследования топографии и исторических районов города // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 32–38.
33. *Цветкова Г. Я.* Город на реке Аркарке // Тарская мозаика. Омск: Омское книжное издательство, 1994. Прил. 3.
34. *Хорошев А. С.* Бани в усадебной застройке Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Тез. науч. конф.). Вып. 2. Новгород, 1989. С. 53–56.
35. *Хорошев А. С.* Бани в усадебной застройке Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология: традиции и перспективы: к 80-летию Д. А. Авдусина. М., 1998. С. 301–306.
36. Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная 1699–1700 гг. С. У. Ремезовым и его сыновьями. Нач. XVIII в. (ОР РГБ. Ф. 256 [собр. Н. П. Румянцева]. № 346).
37. *Witsen N. C.* Noord en Oost Tartaryen: behelrende eene beschryving van verschicdene Tarterche en nabuurrige dewesten in de noorder en cjtelykste deelen van Azien in Europa Amsterdam, Schalekamp, II. 1785.

Поступила в редакцию 07.09.2018

Корчагин Павел Анатольевич, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а
E-mail: pakorchagin@gmail.com

Татауров Сергей Филиппович, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник, заведующий сектором археологии
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
644024, Россия, г. Омск, проспект Маркса, 15
E-mail: tatsf2008@rambler.ru

P.A. Korchagin, S.F. Tataurov

TO UNDERSTANDING MEDIEVAL RUSSIAN REALITIES: BANYA (BATHHOUSE) AND/ OR MYL'NYA (SOAP-ROOM)

Researches of baths are quite common story in the historical literature, mainly in the study of archaeological buildings. The reason for writing the article was the results of excavations in the city of Tara, where in a fully excavated estate (1669) was discovered the object, the location and design features of which prevented attributing it traditionally as a bath. To determine the purpose of this structure, an additional study was carried out, as a result of which it was possible to reveal that in Ancient Rus and Russia there existed two types of hygienic structures that differed significantly from each other. These are soap-rooms attached to residential mansions, designed exclusively for bathing, but not for adopting high-temperature procedures, and heated only in white-way. They are comfortable, the washed stove was often decorated with tiles, the walls were upholstered with fabrics, the floors were supplied with a waterproofing coating. Bathhouses were called only what is now considered to be black-way bathhouses. They were built either on the periphery of the estates, or outside, more often on the banks of rivers. By the first third of the XIX century, the concepts of bathhouse and soap-room no longer clearly distinguished and even partially coincide: soap-room is now meant as a separate washing room, unlike steam rooms. Bathhouses continue to be called separately located buildings, even if they are no longer heated in black-way. But for the historical epoch studied archaeologically, the division into soap-room and bathhouse was quite relevant, therefore it should be taken into account when interpreting materials from archaeological research.

Keywords: Bathhouse (banya), soap-room (myl'nya), interpretation of archaeological sources.

REFERENCES

1. Adaptaciya russkih v Zapadnoj Sibiri v konce XVI–XVIII veke (po materialam arheologicheskikh issledovanij) [Adaptation of Russians in Western Siberia in the Late 16–18 century (Based on Archaeological Research)]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., 2014, 374 p.
2. *Afanas'ev A. N.* Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennyh narodov [Poetic Views of the Slavs on Nature: the Experience of Comparative Study of Slavic Legends and Beliefs in Connection with the Mythical Tales of Other Related Peoples], vol. 3. Moscow, Grachev and Comp. Print. House, 1869, 851 p.
3. *Bahrushin S. V.* Ocherki po istorii Krasnoyarskogo uezda v XVII v. [Essays on the History of Krasnoyarsk County in the 17 century]. S. V. Bahrushin. Nauchnye Trudy [Scientific Works], vol. 4. Moscow, Ed. of the USSR Academy of Sciences, 1959, pp. 5–192.
4. *Belicer V. N.* Ocherki po etnografii narodov komi XIX — nachalo XX v. [Essays on the Ethnography of the Komi People 19 — early 20 century]. Moscow, 1958, 391 p.
5. *Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F.* Mangazeya. Mangazejskij morskoy hod [Mangazeya. Mangazeya Marine Course]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1980, 164 p.
6. *Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F.* Mangazeya: Material'naya kul'tura russkih polyarnyh morekhodov i zemleprohodcev XVI-XVII vv. [Mangazeya: The Material Culture of Russian Polar Navigators and Explorers of the 16–17 centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, 148 p.
7. *Vizgalov G. P., Parhimovich S. G.* Mangazeya: novye arheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: New Archaeological Researches (Materials of 2001–2004)]. Ekaterinburg, Nefteyugansk, "Magellan" Publ., 2008, 296 p.
8. *Vladykina T. G.* Udmurtskie pover'ya v sisteme etnosocial'noj reglamentacii [Udmurt Beliefs in the System of Ethno-Social Regulation]. Tradicionnoe povedenie i obschenie udmurtov: sbornik statej [Traditional Behavior and Communication Udmurts: a Collection of Articles]. Izhevsk, Ed. of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch of RAS, 1992, pp. 126–170.
9. Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey [State Historical Museum (SHM)].
10. *Dal' V. I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Russian Language], 3 ed., vol. 1. St. Petersburg; Moscow, Tovarishchestvo M. O. Vol'fa Publ., 1903, 853 p.
11. *Dal' V. I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Russian Language], ed. 3, vol. 2. St. Petersburg, Tovarishchestvo M. O. Vol'fa Publ., 1905, 1017 p.
12. *Dimitrij Rostovskij (Tuptalo).* Kniga zhitij svyatyh... na tri mesyacy pervye, ezhe est': septemvrij, oktovrij, i novemvrij... Tipom vtoroe izdadesya [The Book Lives of the Saints...]. Kiev, Kiev-Pechersk Lavra Print. House, 1711, 1030 p.
13. *Zabelin I. E.* Domashnij byt russkogo naroda v XVI i XVII st. [Home Life of the Russian People in 16 and 17 centuries], vol. 1. Domashnij byt russkih carej v XVI i XVII st. [Home Life of Russian Tsars in 16 and 17 centuries], part 1, ed. 3, 1895, 782 p.
14. Zapiski Ajrmana o Pribaltike i Moskovii 1666–1670 gg. [Note Airmann on the Baltic and Muscovy 1666–1670]. Istoricheskie zapiski [Historical Notes], vol. 17, 1945, pp. 265–357.

15. *Il'ina I. V., Shabaev Yu. P.* Banya v tradicionnom bytu komi [Bath in the Traditional Life of Komi]. *Voprosy Ehtnografii Naroda Komi* [Ethnographic Issues of the Komi People]. Syktyvkar, issue 32, 1985, pp. 109–122.
16. *Karsavin L. P.* Svyatye otcy i uchiteli Cerkvi (raskrytie Pravoslaviya v ih tvoreniiakh) [Holy Fathers and Teachers of the Church (Disclosure of Orthodoxy in Their Works)]. Moscow, Moscow State University Press, 1994, 176 p.
17. *Korchagin P. A.* Istoriya Verhotur'ya (1598–1926): Zakonomernosti social'no-ehkonomicheskogo razvitiya i skladyvaniya arhitekturno-istoricheskoy sredy goroda [History of Verkhotur'ye (1598–1926): Regularity of Socio-Economic Development and Folding of the Architectural and Historical Environment of the City]. Ekaterinburg, 2012, 287 p.
18. *Kurilov V. N., Lyucidarskaya A. A., Majnicheva A. Yu.* Osvoenie Sibiri: sohranenie i transformaciya russkoj kul'tury v XVII — nachale XX v.: istoriko-ehtnograficheskie ocherki [Development of Siberia: Preservation and Transformation of Russian Culture in 17 — early 20 centuries: Historical and Ethnographic Essays]. Novosibirsk, PrePress-Studio Publ., 2005, 100 p.
19. *Malinovskij K. V.* Sankt-Peterburg XVIII veka [Saint Petersburg of the 18 century]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2008, 576 p.
20. *Mishin S. A., Nikitin A. Yu.* Chelyabinskije bani XVIII–XIX vv. (po materialam arheologicheskikh issledovanij) [Chelyabinsk Baths of 18–19 centuries (Based on Archaeological Research)]. *Problemy sohraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arheologicheskikh issledovanij: Materialy VII nauchno-prakticheskoy konferencii "Sohranenie i izuchenie nedvizhimogo kul'turnogo naslediya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry", posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. F. Geninga (Nefteyugansk, 14–16 maya 2014 g.)* [Problems of Conservation and Use of Cultural Heritage: History, Methods and Problems of Archaeological Research: Materials 7 Scientific and Practical. Conf. "Preservation and Study of Immovable Cultural Heritage of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra", Dedicated. the 90th Anniversary of the Birth of V. F. Gening (Nefteyugansk, 2014, May 14–16)]. Ekaterinburg, Magellan Publ., 2014, pp. 309–313.
21. *Olearij A.* Opisanie puteshestviya v Moskoviyu [Description of the Journey to Muscovy]. Smolensk, Rusich Publ., 2003, 480 p.
22. *Perro K.* Sokrashchennyj Vitruvij, ili Sovershennyj arhitekt [Shortened Vitruvius, or the Perfect Architect]. Moscow, N. Novikov Print. House, 1789, 230 p.
23. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Full Collection of Laws of the Russian Empire], col. 1, vol. 1. St. Petersburg, 1830, 1029 p.
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Full Collection of Russian Chronicles], vol. 1. Moscow, YARK Publ., 1997, 496 p.
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Full Collection of Russian Chronicles], vol. 6. St. Petersburg, Eduard Prac Print. House, 1853, 358 p.
26. *Popov N. S.* Hozyajstvennoe opisanie Permskoj gubernii soobrazno nachertaniyu Sanktpeterburgskogo Vol'nogo Ehkonomicheskogo Obschestva, sochinennoe v 1802 i 1803 godu v g. Permi [Economic Description of the Perm Province According to the Inscription of the St. Petersburg Free Economic Society, Composed in 1802 and 1803 in Perm], part 2. Perm, 1804, 400 p.
27. *Rossiyskij gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)].
28. *Savel'ev M. V., Myakisheva M. V., Shagov N. V.* Formirovanie gorodskoj usad'by istoricheskikh gorodov Srednego Priob'ya (Tomsk, Narym, Kolyvan') [The Formation of the Urban Estates in Historic Towns of the Middle Ob Region (Tomsk, Narym, Kolyvan)]. *Vestnik* [Bulletin] TGASU, 2011, no. 1, pp. 91–99.
29. *Sakhalinskiy oblastnoy krayevedcheskiy muzey* [Sakhalin Regional Museum (SRM)].
30. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian 11–17 centuries], issue 1 (A–B). Moscow, 1975, 372 p.
31. *Smyshlyaev D. D.* Iz proshlogo. O staryh vremenah i lyudyah [From the Past. About Old Times and People]. *Sbornik statej o Permskoj gubernii D. Smyshlyaeva* [Collection of Articles About the Perm Province D. Smyshlyaev]. Perm, Tipolitografiya gubernskogo pravleniya Publ., 1891, pp. 128–131.
32. *Tihonov S. S.* Buharskaya sloboda Tarskoj kreposti: Issledovaniya topografii i istoricheskikh rajonov goroda [Buharskaya Sloboda of the Tara Fortress: Research of Topography and Historical Districts of the City]. *Srednevekovye Tyurko-Tatarskie Gosudarstva*. 2016, no. 8, pp. 32–38.
33. *Cvetkova G. Ya.* Gorod na reke Arkarke [The City on the River Arkarna]. Tarskaya mozaika [Tara Mosaic]. Omsk, Omskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1994, prilozhenie [Attachment] 3.
34. *Horoshev A. S.* Bani v usadebnoj zastrojke Novgoroda (po materialam Troickogo raskopa) [Banyas in the Manor Building Novgorod (According to the Materials of the Trinity Excavation)]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. (Tezisy nauchnoj konferencii)* [Novgorod and Novgorod Land. History and Archeology. (Abstracts of the Scientific Conference)], issue 2. Novgorod, 1989, pp. 53–56.
35. *Horoshev A. S.* Bani v usadebnoj zastrojke Novgoroda (po materialam Troickogo raskopa) [Banyas in the Manor Building Novgorod (According to the Materials of the Trinity Excavation)]. *Istoricheskaya arheologiya: Tradicii i perspektivy: k 80-letiyu D. A. Avdusina* [Historical Archeology: Traditions and Prospects: to the 80th Anniversary of D. A. Avdusin]. Moscow, 1998, pp. 301–306.
36. *Chertezhnaya kniga Sibiri 1701 g., sostavlenaya 1699–1700 gg.* [Drawing Book of Siberia in 1701, Compiled in 1699–1700] S. U. Remezovym i ego synov'yami. Nach. XVIII v. (OR RGB. F. 256 [sobr. N. P. Rumyanceva]. no. 346).

37. *Witsen N. C.* Noord en Oost Tartaryen: behelrende eene beschryving van verschidene Tarterche en nabuurrige dewesten in de noorder en cjtelykste deelen van Azien in Europa Amsterdam, Schalekamp, II. 1785.

Received 07.09.2018

Korchagin P. A., Candidate of History, Senior Researcher at Department of History,
Archaeology and Ethnography
Federal Perm Research Center of Ural Branch of RAS
Lenina st., 13a, Perm, Russia, 614990
E-mail: pakorchagin@gmail.com

Tataurov S. F., Candidate of History, Leading Researcher, Head of the Archaeological Sector
Omsk Branch of the Institute of Archeology and Ethnography Siberian Branch of RAS
Marxa Avenue, 15, Omsk, Russia, 644024
E-mail: tatsf2008@rambler.ru